А. Б. Черняк

ТАЦИТ И ЦЕЗАРЬ (1)*

Посвящается памяти
Юрия Викторовича Андреева (1938 – 1998)

Заглавие предлагаемого здесь этюда может показаться несколько неожиданным. В самом деле, работы с таким названием не встречаются в обширной литературе по Тациту, хотя отношение первого историка Империи ко всем прочим известным ему, императорам так или иначе освещалось. Об отношении Тацита к Августу написано две диссертации (E. Ammerbauer-Kircher 1949, B. Witte 1963)[1], а заголовки типа «Тацит и Тиберий» или «Тацит и Домициан» привычны даже для неспециалистов. Возможно, причину здесь нужно искать в том, что для тацитоведов фигура Цезаря оказывается гораздо более трудной, чем любой другой из его преемников[2]: ведь первый римский император выступает у первого римского писателя не только как государственный деятель и выдающийся оратор – два неразрывно связанные качества, ср. анн.13,3, – но и как виднейший историк своего времени, чьи произведения были в свое время и для Тацита образцом и вдохновляющим примером. К тому же – и это, может быть, главное – оба эти аспекта личности Цезаря представлены у Тацита уж слишком неотчетливо: прямые аллюзии на цезаревские труды у Тацита вроде бы отсутствуют (он вообще, как известно, не склонен был подражать кому бы то ни было из своих предшественников), а дать развернутую характеристику политической деятельности Цезаря или просто изобразить его как личность (ср. очерченный всего несколькими штрихами образ Помпея, ист. 2,38,1; анн.3,28,1) повод ему так и не представился. Можно только по

---

* В основе данной работы лежит доклад «Тацит и Цезарь», прочитанный в марте 1978 года на одном из заседаний кафедрального СНО, которым руководил Ю. В. Андреев, разумеется, по его личному приглашению. Среди немногих присутствовавших были, помимо самого Ю. В., А. И. Зайцев, не пропускавший подобных «священнодействий», А. Г. Грушевой и Д. В. (тогда просто Дима) Панченко. Само собой понятно, что о публикации этого текста, насыщенного риторикой и идеями кафедры древней истории (я тогда активно посещал аспирантский семинар Э. Д. Фролова) в то время не могло быть и речи. Я перепечатываю старый текст почти без изменений, лишь кое-где доработав примечания.

[1] Тем не менее, J.Velaza. Tácito y Augusto // Emerita 63 (1993) 335-356.

[2] Новейшая литература по Цезарю: Strassburger H. Caesar im Urteil seiner Zeitgenossen. Darmstadt 1968; Weinstock S. Divus Iulius. Oxford 1971; Yavetz Z. Caesar in der öffentlichen Meinung. Düsseldorf 1974; Meyer Chr. Caesar.[2] Berlin 1982; K. Christ. Caesar. 1994.

жалеть вслед за Саймом, что Тацит начал свои «Анналы» с Тиберия, а не с Августа и впоследствии не успел исправить этой ошибки, которую осознавал[3]: вместо похорон Августа мы читали бы сейчас о смерти Цезаря и наши представления об этой в общем хорошо известной нам исторической фигуре были бы еще богаче и многогранней.

1. Цезарь как политический деятель у Тацита

Несколько слов об отношении к Цезарю в I в. н.э. Согласно Р. Сайму[4], преемники Цезаря и в первую очередь Август наложили на память основателя Империи своеобразное вето. Он был обожествлен, увековечен в храмах и статуях, но в литературе и общественной жизни старательно замалчивался. Даже его собственные наследники не могли простить ему Рубикона и старались как можно реже напоминать римлянам, что сосредоточенная в их руках власть получена неконституционным путем. Помпей Великий, защищавший республику, пользовался бóльшими симпатиями: Ливий был далеко не единственным помпейянцем. Только с приходом Траяна начинается возрождение культа Цезаря, на монетах и в идеологии: республика к этому времени становится далеким прошлым и гениальный создатель нового режима удостаивается, наконец, заслуженной славы у потомства и его историков: Светония, Плутарха, Аппиана.

Тацит в этом списке оказывается едва ли не первым, так как а) он упоминает Цезаря довольно часто и при этом всегда корректно, без какого-либо недоброжелательства, а иногда и с похвалой, ср. анн.13,3,2 summis oratoribus aemulus и б) косвенным образом, а именно резкой характеристикой Помпея, ср. эпиграмматическое «скрытнее, но не лучше» (ист. 2,38,1 occultior, non melior, т.е. чем Марий и Сулла). Последний пункт как и вся концепция Сайма в целом, как нам кажется, требует известных оговорок. Помпею действительно в двух случаях достается от Тацита, но из приведенной выше эпиграммы вовсе не следует, что сам Цезарь был очень хорош или, скажем, лучше. Сайму надлежало бы привлечь для сравнения пассаж из ист.1,50,3, где Цезарь вместе с Августом, Помпеем и Брутом названы просто «порядочны

[3]См. анн. 3,24,2 sed aliorum exitus, simul cetera illius aetatis memorabo, si effectis in quae tetendi plures ad curas vitam produxero.

[4] Syme R. Tacitus. V. I. Oxford 1958, 430-434. Новейшая литература: Geiger J. Zum Bild Julius Caesars in der römischen Kaiserzeit // Historia 24 (1975) 444-453; Ramage E.S. Augustus' Treatment of Julius Caesar // Historia 34/2 (1988) 223-245; White P. Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix 42/4 (1988) 334-356.

ми людьми» и где, кстати, возможность сохранения или реставрации республики рассматривается вполне серьезно[5]. Правда, Тацит говорит здесь не от своего имени: он передает слухи, ходившие в Риме после убийства Гальбы, но манера изложения такова, что мы не можем утверждать противного, т. е. что он думал иначе. Аналогичную ситуацию находим мы и в знаменитом пассаже, анн.1,8,6 «В день похорон Августа воины были расставлены словно для охраны, и это вызвало многочисленные насмешки тех, кто видел собственными глазами или знал по рассказам родителей события того знаменательного дня, когда еще не успели привыкнуть к порабощению и была столь несчастливо снова обретена свобода и когда убийство диктатора Цезаря одним казалось гнуснейшим, а другим величайшим деянием» (перевод А. С. Бобовича)[6]. Здесь опять-таки передается чужое мнение: сам Тацит, казалось бы, не говорит ни за, ни против мартовских ид, заводя тем самым в тупик даже самых изощренных комментаторов. Между тем перед нами, вероятно, ярчайший пример знаменитого тацитовского innuendo, когда почти все, что думает автор, можно прочесть, так сказать, «между строк», т.е. анализируя выбор слов и их расположение. Не случайно в аллитерирующей антитезе pessimum – pulcherrimum положительный эпитет длиннее на один слог и стоит последним, стало быть, несет на себе смысловой акцент (этот тацитовский прием поняли уже в XVIII в.). Далее, обращает на себя внимание противопоставление «принципат» – «республика», поданное как servitium – libertas; наконец, оборот occisus dictator звучит в лучшем республиканском стиле: диктатура никогда не пользовалась в Риме популярностью. Симпатии Тацита, таким образом, очевидны и они не там, где полагал их Сейм.

Далее можно указать на одну очень любопытную деталь, мимо которой прошел, к сожалению, английский ученый[7]: способ номинации Цезаря у Тацита. Имя Цезаря упоминается в произведениях Тацита 40 раз: 16 раз в малых произведениях, 9 в «Истори

[5] Hist.I,50,3 prope eversum orbem etiam cum de principatu inter bonos certaretur, sed mansisse C.Iulio, mansisse Caesare Augusto victore imperium; mansuram fuisse sub Pompeio Brutoque rem publicam.

[6] Анн.1,8,6 die funeris milites velut praesidio stetere, multum inridentibus qui ipsi viderant quique a parentibus acceperant diem illum crudi adhuc servitii et libertatis inprospere repetitae, cum occisus dictator Caesar aliis pessimum, aliis pulcherrimum facinus videretur.

[7] Ср. Syme R. Imperator Caesar. A Study in Nomenclature // Historia 7 (1958) 172-188.

ях» и 15 в «Анналах» и всюду с довольно заметными отличиями[8].

В «Диалоге об ораторах», по-видимому, самом раннем из тацитовских сочинений, Цезарь фигурирует 12 раз просто как «Цезарь», чаще всего даже без praenomen'a[9], хотя иногда с весьма значительными комплиментами, напр, в гл. 21, 5 Апер говорит о его «божественном гении» (divinum ingenium): неофициальное обращение не предполагает таким образом пренебрежения со стороны говорящих (Тацит, как мы видели, всегда очень ценил Цезаря как оратора), а всего лишь лучше отвечает непринужденному характеру неофициальной дружеской беседы, столь замечательно изображенной в «Диалоге».

В «Агриколе» и «Германии» Цезарь упоминается по два раза, но уже как «божественный Юлий» (divus Iulius: Germ. 28,1; 37,4; Agr.13,1; 15,4 – последний в речи британцев!). Легко себе представить, что в период работы над этими произведениями, гораздо более риторическими по стилю, чем «Диалог», Тацит буквально бредил Цезарем как полководцем, так и писателем: в обоих случаях «Галльская война» была одним из важнейших источников.

В «Историях» наблюдается некоторый сдвиг: мы находим несколько неожиданное обращение C.Iulius в 1,50, 3 (см. выше, прим.5) и обычное Caesar в 3,66,3, а divus Iulius два раза выступает как технический термин: 1,42 ante aedem divi Iulii и 1,86,1 statuam divi Iulii in insula Tiberini amnis. В 4,55,2 к нему возводит свой род галльский авантюрист Юлий Сабин, а в 4,57,2 на его пример ссылается в своей речи военачальник Вокула, пытаясь вернуть к повиновению сбитые с толку событиями бурного 69 года легионы; в трех случаях появляется «диктатор Цезарь»(dictator Caesar): 1,90,3; 3,37,2 и 3,68,1. И, наконец, в «Анналах» мы присутствуем при окончательном отступлении торжественного титула: обращение divus Iulius встречается только в речах; а) Германика 1,42,3; б) Тиберия 3, 6, 2 и в) сенаторов 11,23, 4. В 4,43,1 и 16,22,2 употреблено обычное «C. Caesar», а в 9 прочих случаях фигурирует уже известное нам «диктатор».

Взятый сам по себе, факт упоминания диктатуры еще не составляет криминала: Цезарь, как известно, сам не стеснялся име

[8] Ср. способ номинации у Цицерона: praenomen + cognomen для знатных, praenomen + nomen для незнатных (всадников), напр. M. Tullius (homo novus), но C. Caesar; просто Tullius для домашних, но Atticus гораздо чаще, чем T. Pomponius: Adams J. N. Conventions of Naming in Cicero // CQ 28 (1978) 145-166.

[9] Caesar: Dial.17,1;4; 4; 21,6; 25,3; 4; 6; 26,6; 34,7; 38,2 (10);
C.Caesar: 17,4; 21,5 (2).

новать себя диктатором – разумеется, в официальных документах (см. Suet. Iul.41,2); называют его так и другие авторы[10]. Но обращает на себя внимание слишком частое употребление этого титула по сравнению с другими номенклатурными вариантами, равно как и то обстоятельство, что иногда Тацит применяет его неправомерно. В анн, 12,34 Каратак призывает британцев постоять за свободу: «при этом он называл имена предков, изгнавших диктатора Цезаря, тех, чья доблесть избавила их от римского топора и от податей и сохранила им неосквернеными тела жен и детей» (перевод А. С. Бобовича) – в период, на который падают обе британские экспедиции Цезаря, он был не диктатором, а проконсулом Галлии и даже еще не помышлял о диктатуре. Любопытно сравнить, как говорят в сходной ситуации британцы в «Агриколе» 15,4: «И как удалился божественный Юлий, так удалятся и остальные, лишь бы британцы отважились на состязание в доблести со своими предками» (перевод А. С. Бобовича)[11] – о каком-либо недосмотре со стороны автора здесь, разумеется, не может быть и речи.

Далее, почему в анн.14,9,1 вилла Цезаря в Байях, около которой похоронили мать Нерона Агриппину, названа «виллой диктатора Цезаря»? – Сенека, упоминающий ее в одном из своих писем, пишет просто: «... Г. Марий, Гн. Помпей и Г. Цезарь построили себе виллы в Байях»[12]. Наконец, зачем понадобилось Тациту называть Цезаря диктатором в уже цитированном выше анн.13,3,2, где он ставит его рядом с величайшими ораторами: ведь Цезарь блистал уже с ранней молодости, а не только в последние пять лет жизни. Правда, обычное «C. Caesar» вряд ли подошло бы здесь, так как именно так именуется чуть ниже Калигула, но можно было поставить взамен divus Iulius или даже C. Iulius. Три примера весят не так уж много, но они бросают довольно мрачный отблеск на другие, внешне нормальные, случаи и в первую очередь на разобранный выше пассаж о мартовских идах, а вместе с ним на все «Анналы» в целом. Мы можем ут

---

[10] Напр, Plin. Hist. nat. 4,10; 7,117; ThLL V 1, 1000, 81ss.; H. Heubner ad Hist.I,90.3 (Kommentar Bd.I, Heidelberg 1963, 197-198); Walverton R.E. *Speculum Caesaris* // *Laudator temporis acti.* Studies in memory of W. E. Caldwell. Chapel Hill 1964, 82-90.

[11] Ср. анн.12,34 vocabatque nomina maiorum, qui dictatorem Caesarem pepulissent, quorum virtute vacui a securibus et tributis intemerata coniugum et liberorum corpora retinerent – Agr.15,4 recessuros, ut divus lulius recessisset, modo virtutem maiorum suorum aemularentur.

[12] Sen. Epist. ad Luc.51,11: C.Marius et Cn.Pompeius et <C.> Caesar extruxerunt quidem villas in regione Baiana (ed. O.Hense, Lipsiae 1914).

верждать, таким образом, что культ Цезаря начинается не с Тацита: он отдал ему известную дань лишь в ранних произведениях, но не в своем историческом труде.

Некоторые изменения следует внести в связи с этим и в общую концепцию отношения Тацита к Империи. Обычно считается, что он не принадлежал по своим убеждениям к группе стоической оппозиции в сенате, хотя и восхищался Трасеей Петом и Гельвидием Приском: в «Агриколе» он осудил гордых мучеников за идею, противопоставив им скромных тружеников вроде своего тестя; в «Историях» открыто сказал, что реставрация республики невозможна и что провинции от принципата только выиграли[13]. Он, стало быть, стоял за активное сотрудничество и за исполнение своего гражданского долга при любом режиме [14], при этом не только в теории, но и на практике, сумев не возбудить, несмотря на свой огромный талант, никаких подозрений у Домициана и благополучно дослужившись до проконсульства Азии. Но откуда тогда этот пессимизм, эта все более нарастающая мрачность и трагичность его истории? Ответ на этот вопрос был дан неоднократно и мы никак не претендуем на оригинальность, полагая, что уже в самом факте установления принципата Тацит видел предзнаменование морального вырождения римской нации и что весь его исторический труд служит иллюстрацией этого, разумеется, не осознанного мнения, а интуитивного и, может быть, верного предчувствия. Уже в «Диалоге» показано и сказано, что с установлением монархии политическое красноречие обречено было исчезнуть. Потеря не велика, скажем мы вместе е Матерном, но вслед за ораторами ушли в вечность и их идеалы. От них остались лишь слова, и Тацит с редким искусством и немалым сарказмом демонстрирует нам, что за этими старыми словами, speciosa nomina, больше ничего не стоит. Лозунг республики, лозунг нации: «сенат и римский народ» уже в 69 г. превратился в ничто[15]: власть над Римом, на которую не осмелился посягнуть Помпей Великий и за которую великий Цезарь заплатил жизнью, стала доступной, морально и физически, едва ли не каждому: бывший приспешник Нерона Отон осуществляет свой переворот не с помощью преданной армии, как Цезарь, а

[13] См. ист.1,16,1 (речь Гальбы); 4,74,1-2 (речь Цериала перед галлами).

[14] Нечто подобное я еще недавно писал по поводу моей конъектуры анн. 4,33,2 neque alia rerum <vi>, quam si unus imperitet, см.: Тацит и принципат // Классические языки и индоевропейское языкознание. СПб., 1997. С. 73-76.

[15] См. ист. 1,57,1 et superior exercitus speciosis senatus populique Romani nominibus relictis tertium Nonas lanuarias Vitellio accessit.

благодаря двум подкупленные преторианцам, доставившим ему поддержку части дворцовой гвардии[16]. Не лучше были и германские легионы, выставившие своим претендентом такое нравственное ничтожество, как Вителлий.

Могли ли даже очень талантливые и добросовестные императоры компенсировать эту предвосхищающую смуты III века коррупцию масс? Конечно, Август окончательно замирил Испанию, Тиберий подавил паннонское восстание, а Траян завоевал Дакию, но покорение Британнии так и не было доведено до конца, хотя Агриколе нужно было всего несколько лет и один легион, чтобы занять Ирландию и вынудить капитуляцию еще не покоренной части Каледонии. Многие современные историки оправдывают Домициана, отозвавшего Агриколу и часть войск на континент, но Тацит видел лучше: свободные британцы станут извечной проблемой новой провинции и появление англосаксов в V в. явится в конечном итоге следствием недальновидности римской стратегии. То же самое можно сказать о решении Клавдия отозвать в 47 г. Корбулона с правого берега Рейна (см. анн. 11,18-20): именно в этот момент у римлян были хорошие перспективы для упроченья их влияния в Германии. Окончательно предоставленные самим себе, германцы не замедлили превратиться в серьезную угрозу для римского престижа (см. анн.13,55-6) и безопасности Галлии (см. четвертую книгу «Историй»). Таким образом, императорский режим в глазах Тацита даже в военном отношении не был достаточно эффективным: предлагаемый им всеобщий мир, pax Romana, не обещал быть ни надежным, ни прочным, не говоря уже о том, что он гораздо более напоминал рабство и не только для покоренных народов, но и для самих римлян.

В этом принципиальном неприятии Империи Тацит не одинок: он стоит рядом с другими, частично жившими ранее, историками, чьи сочинения до нас не дошли, но о которых мы знаем, иногда из того же Тацита, что они прославляли Кассия и Брута и, следовательно, осуждали Цезаря, напр., Кремуций Корд, речь которого приведена в анн. 4,34; Азиний Поллион, тот же Ливий и другие. В свою очередь и Тацит говорит о Кассии и Бруте всегда с большой симпатией и уважением: пусть развязанная ими новая гражданская война принесла Риму новые беды – идеалы требуют жертв – успех их дела мог открыть республике новые возможности, во всяком случае, остановить нравственное падение нации, а это для Тацита было самым главным.

[16] См. ист. 1, 25, 1 suscepere duo manipulares imperium populi Romani transferendum et transtulerunt.

Таким образом, Цезарь, как почти все герои Тацита, предстает перед нами – не столько из текстов, сколько из намеков и недомолвок – как великая и вместе с тем трагическая фигура. Идеал юности, своими безумно смелыми авантюрами в Британии и Германии намного предвосхитивший и определивший политику Рима, историк самого себя, не нуждавшийся в Гомере для прославления своих деяний, в конце концов оказывается творцом режима, где свободной личности вроде него уже нет места, где выдающийся талант должен научиться скрывать себя и переносить унижения, чтобы существовать и хоть как-то исполнить свое предназначение[17]. Как и многие другие герои античного полиса, Цезарь своим появлением на свет стоил жизни своей родине, и не столь уж важно, что агония растянулась на пять столетий. Фактическая смерть наступила намного раньше; она заключается как в этническом растворении римско-италийского меньшинства в огромной массе нахлынувших в Италию левантинцев, так и в гораздо более опасном расщеплении римского национального сознания восточными элементами: культурно-языковыми, политическими, а потом и религиозными. Цезарь внес в это дело свою лепту: он сделал возможной для римлян одну из самых страшных восточных идей – идею монархии. Брут и Кассий попытались ему помешать, и в этом историческое значение мартовсих ид.

Quid Cornelius Tacitus de C. Caesare sentierit.

Hic imprimo oratiunculam, quam A.D.1978 in seminario apud Jurium Andreev, iam ante quinque annos vita functum, iuvenis admodum habui. Maximi mihi momenti tunc erat,quo modo Caesar apud nostrum appellaretur. Statim apparent *divus Iulius* in iuvenilibus, *dictator Caesar* vel vice versa in serioris aetatis operibus, sc. historiis annalibusque. Mutasse videtur sententiam Tacitus ut erga Caesarem ipsum, sic et de principatu, cuius mala erroresque continuo detegebat.

[17] Ср. современную точку зрения на диктатуру: «The ultmate failures of dictatorship cost humanity far more than any temporary failures of democracy» (F.D. Rooswelt Adress).